

— Вот этот нахлебник, жрёт наше, пьёт наше, а сам дома лежит, как барин! Вся семья на работе, а он только и знает, что валяется, словно какой-то господин! Жаль только, что наш дом слишком мал, чтобы содержать таких!

Ян Сюцуй не давала Чжао Шэнгу и рта раскрыть.

Чжао Шэнгу, не дожидаясь, пока она закончит, с грохотом швырнул палочки для еды.

— Дедушка Гуань, когда мой дед передал меня вам, он оставил больше 10 000 юаней. Этих денег хватило бы не только на меня, но и на пятерых. А вы, получив их, теперь утверждаете, что я нахлебник? Думаете, раз взяли деньги, то они теперь ваши?

Услышав это, Ян Сюцуй зарыдала еще громче.

— Ох, я больше не могу жить! Мальчишка мне в лицо кричит!.

Гуань Хэ, у которого на лбу выступили вены, рявкнул на Ян Сюцуй.

— Замолчи!

Ее крик застрял в горле, а лицо, покрытое слезами и соплями, выглядело крайне жалко.

Гуань Юань, подливая масла в огонь, сказал.

— Дедушка, почему бабушка постоянно говорит, что брат нахлебник? Я слышал, что дедушка Чжао оставил денег, которых хватило бы ему на всю жизнь!

Конечно, это была ложь, но Гуань Юань просто не мог терпеть, как семья Гуань получала выгоду, а потом ещё и жаловалась.

Ли Юэчжи рассмеялась.

— Этот глупый мальчишка, этих денег на всю жизнь точно не хватит.

Гуань Юань, косо посмотрев, возразил.

— Как это не хватит? Сейчас можно посчитать, сколько брат съедает за день. Да и с семи лет он уже работал в поле, а Таймин, который старше, до сих пор дома сидит. Дедушка, ты же обещал относиться к нему как к родному внуку, так почему он не такой, как Таймин?

Гуань Юань широко раскрытыми глазами смотрел на Гуань Хэ.

Гуань Хэ, смутившись, разозлился.

— Маленький еще, ничего не понимаешь! Заткнись!

Ли Юэчжи, не ожидавшая, что разговор зайдет о Гуань Таймине, поспешно добавила.

— У Таймина здоровье слабое, как он может работать?

Слабое? Да у него мяса больше, чем у Чжао Шэнгу!

Чжао Шэнгу не стал спорить, лишь кивнул.

— Раз вы все считаете, что я нахлебник и пользуюсь вашей добротой, я пойду к начальству и

все посчитаю.

С этими словами он встал, а Гуань Юань тут же запрыгнул ему на спину, поддерживая его.

Увидев, что Чжао Шэнгу действительно уходит, Гуань Хэ и Гуань Маньцан забеспокоились, даже Ян Сюцуй выглядела встревоженной.

Гуань Хэ поспешил задержать Чжао Шэнгу.

— Эй, мальчишка, не горячись так! Бабушка просто кричит без толку. Давай вернемся за стол.

Гуань Юань, выглянув из-за спины Чжао Шэнгу, сказал.

— Бабушка и тетя тоже говорят, что брат нахлебник!

— Нет-нет, Шэнгу вовсе не нахлебник. Даже если бы не было денег, твой дедушка спас мне жизнь.

— А бабушка что говорит? — Гуань Юань не отпускал Гуань Хэ.

Гуань Хэ, в душе желая отлупить этого мальчишку, который всегда был на стороне Чжао Шэнгу, на лице сохранял добродушную улыбку.

— Я заставлю бабушку извиниться перед Шэнгу.

С этими словами он уставился на Ян Сюцуй.

— Ну, говори!

Ян Сюцуй, под давлением Гуань Хэ, неохотно пробормотала.

— Я ошиблась, Шэнгу, не обижайся.

— И тетя тоже, — напомнил Гуань Юань.

Гуань Маньюэ, услышав, что Гуань Юань осмелился упомянуть ее, тут же набросилась.

— Ах ты, мелкий ублюдок.

Но Гуань Хэ тут же рявкнул.

— Молчи, дура! Быстро извинись перед Шэнгу!

Гуань Маньюэ, с глазами, полными слез, не осмелилась послушаться Гуань Хэ и тихо произнесла.

— Я ошиблась, Шэнгу не нахлебник.

Только тогда Чжао Шэнгу, с Гуань Юань на спине, вернулся за стол. Ян Сюцуй больше не смела капризничать и тут же налила полные миски риса для Гуань Юань и Чжао Шэнгу.

Но Чжао Шэнгу не стал спешить с едой, а серьезно сказал.

— Дедушка Гуань, я знаю, что среди денег, которые оставил мой дед, есть и те, что предназначались на мое будущее. Эти деньги я оставляю вам.

Услышав это, все в семье Гуань обрадовались, особенно Ян Сюцуй. Это означало, что они получают еще тысячу юаней! Хотя эти деньги семья Гуань и не собиралась отдавать Чжао Шэнгу, но, видя, что он не из тех, кого легко обмануть, они понимали, что могут возникнуть проблемы.

— Эти деньги будут платой за еду для Юаня. Впредь все, что я заработаю, будет принадлежать мне.

Только что обрадовавшаяся Ян Сюцуй тут же нахмурилась.

— С какого это.

— С какого? С того, что я не должен вашей семье ни гроша. Мой дед спас жизнь дедушки Гуань, и это уже не говоря о том, что тысячи юаней хватило бы и на меня, и на Юаня. Впредь все, что я заработаю, будет моим, иначе давайте посчитаем, сколько я потратил за эти годы, и вы вернете мне лишнее.

— Что? — вскрикнула Ян Сюцуй. Это было для нее как нож в сердце.

Гуань Хэ, недовольный, сказал.

— Ладно, хватит спорить. Я согласен с Шэнгу.

Чжао Шэнгу кивнул.

— Хорошо. Юаня я буду содержать сам, и вам нечего будет сказать. Впредь вы не сможете распоряжаться им, все будет решать я.

Гуань Хэ, хоть и чувствовал себя униженным, согласился. Все понимали, как обстоят дела.

В конце концов, все в семье Гуань признали слова Чжао Шэнгу.

Глаза Гуань Юаня снова затуманились. Он знал, что Чжао Шэнгу оставался в семье Гуань только ради него, иначе он мог бы уехать и жить лучше.

Чжао Шэнгу не был прописан в семье Гуань, и он мог уехать в любой момент, но Гуань Юань не мог. Пока ему не исполнится 18 лет, семья Гуань могла не отпускать его, и он не мог жить отдельно.

Как Чжао Шэнгу мог оставить Гуань Юаня одного в семье Гуань!

Вернувшись в комнату, Гуань Юань с виной сказал.

— Брат, это все из-за меня. Если бы не я, ты мог бы жить один!

Чжао Шэнгу, вздохнув, ответил.

— Малыш, что ты понимаешь? Если я уйду сейчас, у меня не будет ни жилья, ни еды. Как я буду жить? Это не из-за тебя.

Хотя Гуань Юань понимал, что Чжао Шэнгу просто утешает его, ему стало легче. Видя, как Чжао Шэнгу истощен, он предложил.

— Брат, давай завтра пойдем на гору Сяотунь, может, найдем что-нибудь поесть!

— Юань, ты не наелся? У меня еще есть половинка лепешки, подожди, я разогрею.

Не дожидаясь ответа Гуань Юаня, Чжао Шэнгу поспешил выйти.

— Эх.

Гуань Юань, глядя на его спешку, не знал, смеяться или плакать.

Вскоре Чжао Шэнгу вернулся с горячей лепешкой.

— Давай, Юань, ешь, пока горячая.

— Брат, я не голоден, ешь сам, — отказался Гуань Юань.

— Ты не голоден?

— Угу, — Гуань Юань действительно не хотел есть.

— Ладно, я спрячу эту лепешку, когда проголодаешься, разогрею, — Чжао Шэнгу и не думал есть сам, снова убрав лепешку.

Гуань Юань чувствовал себя умиротворенно, но сейчас главное было не дать Чжао Шэнгу голодать.

— Брат, давай завтра пойдем на гору Сяотунь.

Чжао Шэнгу, удивленный, спросил.

— Зачем нам идти на гору Сяотунь?

Сначала он подумал, что Гуань Юань голоден, но тот снова заговорил об этом.

— На горе Сяотунь можем найти что-нибудь поесть! Может, даже кролика поймаем!

Чжао Шэнгу подумал, что Гуань Юань просто хочет мяса, и сердце его сжалось. Уже полгода они не видели мяса, и он сам мечтал о нем.

— На той горе голо, где там кролики?

Гуань Юань, покраснев, стал упрашивать.

— Брат, ну давай, давай!

Чжао Шэнгу, сдаваясь, согласился. В конце концов, с завтрашнего дня ему не нужно было идти на работу.

— Ладно, завтра я пойду один, ты останешься дома.

Гуань Юань не согласился, понимая, что если он не пойдет, то ничего не найдут. Он снова стал упрашивать, и Чжао Шэнгу, не выдержав, согласился.

На следующее утро Чжао Шэнгу разбудил Гуань Юаня. Если они не успеют вернуться к обеду, то весь день придется голодать.

Так как сегодня не нужно было идти на работу, и завтрака не было, в семье Гуань, кроме Ян

Фэйфан, которая была на дежурстве по дому, никто не встал.

Ян Фэйфан кормила свиней в хлеву. Хотя эти две свиньи были тощими, они были сокровищем семьи Гуань. Через несколько дней одну из них продадут, а другую оставят для себя, но мяса не достанется ни Гуань Юаню, ни Чжао Шэнгу.

Для жителей деревни несколько раз в год поесть мяса было уже большим счастьем.

<http://bllate.org/book/16465/1494634>